

По ту сторону «чистой науки» и философского созерцания¹

Илья Матвеев*

Аннотация. В XX веке было предпринято множество попыток переучредить политическое знание как объективную, эмпирическую науку — науку, которая соответствовала бы идеалу ценностной нейтральности. Наряду с этой тенденцией прослеживается и другая: стремление исследователей к открытому провозглашению своей политической позиции, готовность признать политические цели и ценности фактором собственной работы. Когда такая готовность существует, можно говорить об ангажированном знании. В статье продемонстрировано то, как это знание отделяет себя, с одной стороны, от представлений о социальных и политических исследованиях как о «чистой науке», и с другой — от политико-философского подхода с его возвышением созерцательного теоретизирования. Также в статье дана характеристика неоднозначной связи ангажированного знания с марксистской традицией.

Ключевые слова: сциентизм, объективизм, эпистемология, ангажированность.

В статье «За ангажированное знание» Пьер Бурдьё говорит о недопустимом, с его точки зрения, характерном для многих противопоставлении *scholarship* (исследований) и *commitment* (политической позиции). Он призывает избавиться от образа «ученого, заключающего себя в башню из слоновой кости» и прекратить «бегство в стерильность», убеждает исследователей в необходимости распространить свое знание за пределы академии и присоединиться к социальным движениям (Бурдьё, 2002). Более того, общеевропейский протест против политики неолиберализма, по Бурдьё, может быть эффективен, только если объединит «три составляющие: профсоюзы, социальное движение и исследователей» (Бурдьё, 2002).

Другой известный социолог Майкл Буравой в речи при вступлении в должность президента Американской социологической ассоциации (2004), озаглавленной «За публичную социологию», заявил: «Мы потратили сто лет на построение профессионального знания, перевод здравого смысла в науку, и сейчас более чем готовы к выполнению систематического обратного перевода, перемещая знание туда, откуда оно пришло, понимая личные невзгоды как социальные проблемы и таким образом возрождая моральную устойчивость социологии» (Буравой, 2008: 124). Публичная социология, по Буравому, выходит за границы научного сообщества, обращаясь к

* Матвеев Илья Александрович — аспирант философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
E-mail: matveev.ilya@yahoo.com

© Матвеев И. А., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Благодарю Олега Журавлева и Арсения Хитрова за помощь в подготовке статьи.

широкой публике (традиционная публичная социология) или взаимодействуя с социальными движениями, «контрпубликой» (органическая публичная социология). В своих одиннадцати тезисах, прозрачно намекающих на «Тезисы о Фейербахе» Маркса, Буравой призывает усилить публичную социологию как один из компонентов социологической дисциплины и тем самым вернуть этой дисциплине ее призвание: активно участвовать в жизни общества.

Выступление Буравого, как и статья Бурдые, представляет собой манифест. Их роднит императивный характер, жанр воззвания: «За ангажированное знание», «За публичную социологию».

Очевидно, что эти тексты имеют некий общий объект критики. Они осуждают определенное видение науки и определенное представление о роли ученого, которое историк науки Роберт Проктор формулирует следующим образом:

«Согласно присущему науке здравому смыслу, политика и ценности всегда являются внешними по отношению к практике науки — они обнаружимы в способах использования науки, но не в ее истоках, в ее неудачах, но не в ее успехах, в исключениях или на периферии, но не в каждодневном и фундаментальном. Это идеология *чистой* или *свободной от ценностей* науки, вера в то, что наука „сама по себе“ является чистой, а ценности или политика входят в нее только как нежелательная примесь» (Proctor, 1991: 3).

Наука, согласно такому представлению, нейтральна по отношению к возможным способам ее использования, ее внутренняя детерминация свободна (или должна максимально освободиться) как от ценностей, так и от вненаучных целей. Проктор расшифровывает концепт нейтральности науки по отношению к своим целям: «Политика и мораль стоят за нашими науками и дают им жизнь; наука может использоваться во благо и во зло. Это один из смыслов „нейтральности“ науки — то, что наука (или технология) „сами по себе“ ни хороши и ни плохи; науку можно использовать, а можно ей злоупотреблять» (Proctor, 1991: 2).

Именно так отделил практику науки от способов ее использования Макс Вебер, заметив: «...существует и еще одна предпосылка: важность результатов научной работы, их научная ценность. Очевидно, здесь-то и коренятся все наши проблемы. Ибо эта предпосылка сама уже недоказуема средствами науки. Можно только указать на ее конечный смысл, который затем или отклоняют, или принимают в зависимости от собственной конечной жизненной установки» (Вебер, 1990: 718). Итак, наука не может отдавать себе отчета о способах своего применения и их значимости, эти вопросы находятся за её пределами.

Современное использование понятия научной объективности, по замечанию Да-стон и Галисона, предполагает «все — от эмпирической надежности и процедурной корректности до эмоциональной невовлеченности» (Daston, Galison, 1992: 82). В XX веке многие пытались перенести идеал научной объективности, со всеми оттенками смысла этого термина, в область политического и социального знания.

В политической науке такой попыткой была «бихевиоральная революция» 1930–1960-х годов. Подготовленная деятельностью Чарльза Мерриама, она стремилась пе-

реучредить политическую науку как эмпирическую дисциплину, опираясь на четкое определение объекта, — политического поведения и выработку строгих формальных, преимущественно количественных, методов его изучения. Эти методы становились все более сложными и разветвленными. Исследователей, принадлежавших к данному направлению, по словам Роберта Даля, объединял «научный» настрой: подразумевалось, что «...бихевиоральный подход — это попытка улучшить наше понимание политики посредством объяснения эмпирических аспектов политической жизни с помощью методов, теорий и критериев доказательства, удовлетворяющих канонам, конвенциям и предпосылкам современной эмпирической науки» (Dahl, 1961: 767). По сути, интенция, лежавшая в основе «бихевиоральной революции», нигде не исчезла и продолжает влиять на идентичность американской политической науки как дисциплины и сейчас.

Но еще в 1939 году американский социолог Роберт Линд, откликаясь на контекст, созданный «бихевиоральной революцией», задал вопрос: «Знание для чего?» (Lynd, 1939). В одноименной книге он постарался показать, что исследователь, исключая себя как сторонник «чистой науки» вопросы ценностей и потому несамостоятельный в выборе объекта изучения, становится орудием в руках других: капиталиста, политика, чиновника.

По отношению к идеологии «чистой науки» ангажированное знание совершает двойную операцию. Концепции ангажированного знания, с одной стороны, указывают на то, что социальное познание не может быть изолировано от политики, поскольку неизбежно оказывает политические эффекты в той реальности, которую изучает. «Политике не место в аудитории» (Вебер, 1990: 720), — говорит Макс Вебер. Но политика всегда присутствует в аудитории, пусть даже политика «чистой науки»: риторика и практика «чистой науки» также обладают своими политическими следствиями². С другой стороны, если политики не избежать, концепции ангажированного знания призывают выбрать осознанное участие в политике, учитывающее возможные политические эффекты того знания, которое производит ученый. Эту мысль сформулировал Чарльз Р. Миллс в «Социологическом воображении» (1959): «Практикующим социальным исследователям совсем не обязательно позволять „случайностям“, связанным с условиями их работы, определять политическое значение этой работы, или же позволять другим людям, преследующим собственные цели, решать, как будет использована их работа. Им вполне по силам обсудить значение своей работы и сделать способ ее применения вопросом их собственного выбора» (Mills, 2000: 177)³. Это

2. Большой материал, иллюстрирующий этот тезис, собран в феминистских и постколониальных исследованиях. Так, в книге «Женская болезнь: женщины, безумие и английская культура, 1830–1980» Элен Шоуэлтер анализирует мизогинию, присущую психиатрическому дискурсу и практикам лечения истерии. Таким образом, научный дискурс психиатрии поддерживает угнетение женщин. Как показали феминистские движения, оно является политическим феноменом не в меньшей степени, чем партийная борьба, для которой двери университета традиционно закрыты.

3. Ср.: «Социологическая теория либо представляет и выражает доксу, либо, отправляясь от доксы как от исходного пункта, производит радикальный разрыв с ней. Первое делает теорию наивной, второе — ангажированной. Согласно Ж.-П. Сартру, социолог всегда engagé — захвачен, вовлечен, втянут

рассуждение иллюстрирует тезис Бурдьё о том, что противопоставление *scholarship* и *commitment* является не только гибельным, но и по сути ложным.

Как уже отмечалось, социальное познание неизбежно оказывает политические эффекты в той реальности, которую изучает. Любая теория обладает собственной внутренней логикой, которая «совместима» с определенной политической логикой и тем самым поощряет ее. Теория задает одни вопросы (пусть даже ответ на них останется открытым, пусть даже они являются внутренними, логическими, а не эмпирическими), исключая другие. Теоретическая перспектива формирует и структурирует политическую перспективу и к тому же, за счет своих претензий на общезначимость, окружает ее ореолом внеисторичности, научной объективности и истины.

Так, под «политическим поведением» как объектом исследований эмпирической политической науки понимается индивидуальное поведение, тем самым подразумевается, что субъектом политики является индивид. Вопрос можно поставить и по-другому: для Фуко, например, индивид был не субъектом, а объектом политики, конечным результатом работы власти, которая посредством дисциплинарных институтов производит индивидов.

К тому же индивидуальное политическое поведение изучается в рамках институций и норм, современных исследователю, из-за чего, как заметил Лео Штраус в 1959 году, «социальная наука подвергается опасности ошибочно принять особенности Соединенных Штатов середины XX века или вообще современного западного общества за сущность человеческого общества» (Штраус, 2000: 23–24). В этом смысле бихевиоральная политическая наука «совместима» с либеральной демократией. Отношение между «свободной от ценностей» политической наукой и либеральной демократией можно обозначить как взаимную легитимацию. При этом в рамках самой политической науки это отношение не проговаривается, поскольку считается, что либеральная демократия — ценность, а наука должна быть свободна от ценностей. Джон Ганнел сформулировал это противоречие следующим образом: «Несмотря на то, что было бы нетрудно выявить космос нормативных данностей, внутренне присущих американскому прагматизму и реализму, американские политические исследователи верили не только в разделение фактов и ценностей, но и в относительность ценностей и опасность трансцендентальных претензий» (Gunnell, 1986: 14).

В то же время граница между «неангажированным» (или, по определению Ю. Качанова, «наивным») (Качанов, 2000) и ангажированным знанием не совпадает с границей между ценностно-нейтральным и нормативным, политико-философским подходом. Несмотря на взаимную критику сторонников объективной, эмпирической науки политики и приверженцев традиционной политической философии, обращенной к «природе политических вещей» (Штраус, 2000), в рамках спора, характерного для американской политической науки с 1950-х годов, их концепции обладают одним

в политику, причастен ей, *volens nolens* делает политический выбор. Но можно быть „политиком неведомо для себя“, „наивно“, доксихески, а можно „ангажироваться“ — взять на себя ответственность за свои практики, отрефлексировать свою профессиональную причастность к производству/воспроизводству политического порядка» (Качанов, 2000: 137).

важным общим качеством. Они последовательно исключают из рассмотрения вопрос о тех реальных политических эффектах, которые производит политическое знание, принимает ли оно форму «чистой науки» или философии.

Наиболее известным критиком позитивистской установки в политическом познании был Лео Штраус. В работе «Что такое политическая философия?» (1959) ценностно-нейтральное политическое знание предстает одновременно нежелательным и невозможным. Но для того, чтобы лучше понять позиции, с которых Штраус критикует «бихевиоральную революцию», следует обратиться к другим его текстам.

Во введении к книге «Преследование и искусство письма» (1952) Штраус формулирует свое отношение к философии. Он стремится выстроить правильную перспективу для того, что могло бы стать социологией философии. Философы, по Штраусу, образуют «самостоятельную группу»: «...то, что объединяет всех подлинных философов, — важнее того, что роднит одного конкретного философа с какой-либо группой нефилософов» (Strauss, 1988: 8). Изучая отношение средневекового восточного мыслителя Аль-Фараби к Платону, Штраус обнаруживает универсальное свойство философии как таковой: философия и общество находятся отнюдь не в гармонии между собой, философская истина опасна для общества. Поэтому для собственной защиты философы создают «эзотерические учения», которые лишь намекают на подлинное, но скрытое — «эзотерическое» — философское знание. Это и объединяет всех подлинных философов. Таким образом, политика философии — это политика ускользания, маскировки, письма «между строк» (Штраус, 2012), политика сохранения философии в обществе, по определению враждебном к философии. Понимание опасности, которая, «какие бы разнообразие формы она ни принимала, всегда сопутствует философии», — по мысли Штрауса, выступает первоочередной и даже единственной задачей социологии философии (Strauss, 1988: 21).

Исходя из этой перспективы, позитивизм с его всеобъемлющими претензиями в области политического знания — еще одна, новая угроза философии, характерная для современных обществ, где отсутствует прямая цензура. Позитивная политическая наука — это вторжение в автономию философствования. При этом философствование как таковое обладает самостоятельной ценностью. Здесь Штраус, по сути, опирается на аристотелевское возвышение *bios theoretikos*, созерцательной жизни, перед практической жизнью. Последователь Штрауса Данте Джермино формулирует это так: «Теорией следует заниматься лишь ради нее самой. <...> Ныне пришло самое время обратиться внутрь себя и вновь ощутить все великолепие такой жизни» (цит. по: Павлов, 2010: 61).

Но в своей критике универсалистских притязаний «бихевиоральной революции» Штраус и его последователи также не эксплицируют возможные политические эффекты собственной позиции. Тезис Штрауса об «эзотеричности» философии (как, по-видимому, и любое утверждение самоценности философствования) имеет выраженный элитистский характер. В основе этого тезиса — убежденность в том, что люди неравны: неравны в своей способности принять ту скрытую истину, которую несет в себе философия. Такое «конститутивное неравенство» характерно для консерватив-

ного мышления и консервативной политики. Существует множество исследований, посвященных связи Штрауса с современными американскими неоконсерваторами (Norton, 2005; Павлов, 2008). На наш взгляд, эта связь была отнюдь не буквальной, и все же теоретическая логика Штрауса «совместима» с консервативной политической логикой настолько, насколько теоретическая логика «бихевиоральной революции» «совместима» с либеральной политической логикой.

Ангажированное знание порывает как с либеральной «чистой наукой», так и с консервативным возвышением *theoria*. Политика ангажированного знания — не скрытая, заключенная в его логике и послышках, а открытая и публичная. Такое знание стремится эксплицировать связь между своей внутренней логикой и своей политикой. На этом пути оно сталкивается с главной трудностью: «мифом», согласно которому истина «служит наградой для свободных умов, плодом долгого одиночества, привилегией тех, кто сумел освободиться» (Фуко, 2002: 206). По Фуко, вопреки данному «мифу», истина принадлежит этому миру (а не находится за его пределами) и производит эффекты власти (а не искажается/вульгаризуется/замалчивается властью).

Этот «миф», фундаментальный для западной интеллектуальной традиции, обнаруживается уже в древнегреческой философии, с ее превознесением созерцательной жизни. Не им ли одушевлены горделивые слова Штрауса: «Только когда Здесь и Теперь перестают быть центром внимания, может появиться философский или научный подход к политике» (Штраус, 2000: 15)? (По словам Стивена Смита, «[Штраус] наблюдал политику не слева и не справа, а сверху» [Smith, 2007: 179].)

Но философское знание о «природе политических вещей», пусть даже максимально далекое от текущей политики, все равно играет свою роль «Здесь и Теперь», и в этом смысле использование Штрауса неоконсерваторами не является ошибкой или случайностью, даже если их интерпретации его текстов ошибочны.

Но не этот ли «миф», в другой форме, воплощен в том, что Дастон и Галисон называют «механической объективностью», стремление к которой было характерно для естественных наук рубежа XIX–XX веков: «...с одной стороны, честность и самоограничение, необходимые для того, чтобы отречься от оценок, интерпретаций или даже свидетельств собственного чувственного восприятия; с другой — напряженная концентрация внимания, необходимая для точного наблюдения и измерения, постоянно, без усталости повторяемых» (Daston, Galison, 1992: 83)? Строгое соблюдение метода и максимальная свобода от оценок, сами, по Дастону и Галисону, становящиеся чем-то вроде моральной добродетели, позволяют ученому освоить взгляд «из ниоткуда», который только и способен дать полное и объективное знание. Такая установка, несомненно, прослеживается в стремлениях, характерных для «бихевиоральной революции» в политической науке.

В этой точке сходятся бесстрастный философ и стремящийся к объективности ученый: их объединяет представление об истине как о чем-то внешнем по отношению к социальному миру и политике.

Ангажированное знание, пусть даже вставшее на путь политики, далеко не всегда свободно от этого «мифа». Об этом свидетельствует марксистский сциентизм Альтюссера в 1961–1966 годах (Матвеев, 2012) и просвещенческий универсализм Миллса. Фуко, сделавший так много для критики этого «мифа», в своей концептуализации ангажированного знания в каком-то смысле позволил ему вернуться — в почти неузнаваемой форме, — сделав привилегированной познавательную позицию угнетенных и тем самым вернув знанию тотализующую претензию на универсальность.

И все же именно ангажированное знание вынуждено столкнуться с этим «мифом» лицом к лицу. Вступив на территорию политики, авторы уже не могут отречься от тех политических эффектов, которые вызывают их слова. Их отношение к истине становится более контекстуальным и тактическим, социально и политически локализованным.

Представление о социально локализованном знании, по замечанию Сандры Хардинг, может показаться логически несообразным: «Обычно подразумевается, что социально локализованные представления могут быть лишь мнениями. Чтобы достичь статуса знания, они должны избавиться от — или преодолеть — свою первоначальную связь с локальными историческими интересами, ценностями и повесткой» (Harding, 1993: 50). Другими словами, знание обладает качеством полноты и универсальности, частичными (*partial*) могут быть лишь мнения. Ангажированное знание совершает попытку мыслить знание как социально локализованное и учитывать все, в том числе политические, последствия такой частичной перспективы. Одна из наиболее последовательных подобных попыток — феминистская «эпистемология точки зрения» (*standpoint epistemology*), которую развивают Хардинг и Донна Харауэй. Эти авторы указывают, что социальные исследования, не отвергающие частичную перспективу, из которой они сделаны, в пользу «взгляда из ниоткуда», но максимально эксплицирующие все свойства этой частичной перспективы, производят более достоверное знание, чем исследования, руководствующиеся идеалом «чистой науки». Они настаивают, что «эпистемология точки зрения» не является релятивистской и не предполагает, что все истинностные высказывания равны. Этот аргумент показывает, что ангажированное знание нужно не только политике, но и познанию: отказ от универсальной/нелокализованной перспективы, «взгляда сверху», «взгляда из ниоткуда» — это вопрос не только политической, но и познавательной необходимости. Другими словами, более полное и адекватное понимание общества лежит на пути вовлеченности в политику, политической борьбы.

Теперь, когда мы проанализировали отношение ангажированного знания к идеологии «чистой науки», с одной стороны, и возвышению созерцательного теоретизирования — с другой, мы должны остановиться еще на одном вопросе: о связи ангажированного знания с марксистской традицией.

Марксизм, с одной стороны, сделал возможной саму постановку проблемы ангажированного знания. Отправной точкой любого рассуждения на эту тему является одиннадцатый тезис о Фейербахе Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (Маркс, Энгельс, 1955: 4).

Марксизм пошатнул достоинство «чистой философии», объявив о приоритете практики перед философским созерцанием.

Марксизм всегда стремился обнаружить социальные корни знания, но делал это со специфических, детерминистских позиций: отсюда «теория отражения». В своем самоописании марксизм занимает вполне определенное место в системе социальных отношений, но это привилегированное место, с которого открывается панорама всего общества и которое позволяет увидеть общественные отношения в их тотальности (Лукач, 2003; Jay, 1986). Этьен Балибар определил место, занимаемое пролетариатом по Марксу, как «подлинное место истины, но также место, из которого мир подвергается изменению» (Balibar, 1994: 92).

Такой взгляд не только возвращает (марксистскому) знанию универсальную перспективу, но и осеняет ее исторической необходимостью: марксистское учение не только истинно, но и обречено победить, ведь это учение пролетариата, на стороне которого законы исторического развития.

Безусловно, марксизм может быть интерпретирован совсем по-другому, но трудно отрицать, что он оставляет возможность и для интерпретации, в свою очередь, допускающей тоталитарную практику, при которой государство «от лица пролетариата» (а значит, одновременно от имени Истины и от имени Истории) репрессивует одни теории как «буржуазные» и поощряет другие как «пролетарские». Доминик Леккур в своей книге о феномене Лысенко назвал это «воображаемой классовой борьбой» (Lecourt, 1977: 128) двух наук. Такого рода государственная «партийность» не имеет ничего общего с ангажированным знанием.

И все же марксизм открывает перспективу для подлинно ангажированного анализа, того, что Альтюссер назвал «критическим и революционным» отношением между философией и социальными практиками. Одна из попыток восстановить такое отношение совершена самим Альтюссером (Альтюссер, 2012).

* * *

Авторы, рассуждающие о политической ангажированности ученых, предъявляют к ним разные требования и по-разному представляют эту ангажированность. Так, Миллс настаивал: признание политического значения социальных наук не предполагает ухода исследователей из профессии — напротив, именно в рамках своей академической роли они должны ставить под вопрос политические эффекты своей деятельности и не допускать того, чтобы создаваемое ими знание было инструментализовано, подчинено утилитарным интересам государства и капитала: не допускать «дальнейшей бюрократизации разума и дискурса» (Mills, 2000: 192).

Представители аргентинской группы *Colectivo Situaciones* формулируют куда более радикальную позицию: их исследования, погруженные в повседневную борьбу социальных движений, дистанцируются от академических форм работы как таковых. На пути политической ангажированности участники этой группы доходят до той точки, когда сама граница между исследованиями и активизмом становится пробле-

матичной. Так, по утверждению представителей этого анонимного коллектива, для обозначения их деятельности подходит как термин «активистские исследования», так и термин «исследовательский активизм»: это особая форма исследований, но также особая форма политики (Haldren, Touza, 2005: 596).

Вопрос о конкретных формах ангажированности — это вопрос политической/эпистемологической стратегии и тактики. Но от самого этого вопроса, по-видимому, уже не уйти: в свете эволюции, которую проделали социальные и политические исследования в XX веке, позиция «чистой науки» или философского созерцания, «взгляда из ниоткуда» ученого или «взгляда сверху» философа, едва ли могут доминировать в своих дисциплинах. Сартр отметил в 1945 году: «Писатель пребывает в ситуации своей эпохи: каждое его слово отдается эхом. Точно так же, как и молчание» (цит. по: Може, 1999: 293). В меньшей степени это верно по отношению к ученым сейчас.

Литература

- Альтюссер Л.* (2012). Преобразование философии / Пер. с фр. К. Саркисова // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 73–96.
- Буравой М.* (2008). За публичную социологию // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ.
- Бурдьё П.* (2002) За ангажированное знание / Пер. с фр. М. Бухарина // Неприкосновенный запас. 2002. № 5. С. 61–63.
- Вебер М.* (1990). Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. П. П. Гайденко // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 707–734.
- Качанов Ю. Л.* (2000). Начало социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Лукач Г.* (2003). История и классовое сознание: исследования по марксистской диалектике / Пер. с нем. С. Н. Земляного. М.: Логос-Альтера.
- Маркс К.* (1955). Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 1–4.
- Матвеев И. А.* (2012). Альтюссер: политика теории // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 55–72.
- Може Ж.* (1999). Социологическая ангажированность / Пер. с фр. М. М. Федоровой // Поэтика и политика. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. С. 292–324.
- Павлов А. В.* (2008). Прагматичные наследники политической философии Лео Штрауса // История философии. Вып. 13. М.: Институт философии РАН. С. 98–109.
- Павлов А. В.* (2010). Гражданская война политической теории // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 40–65.
- Фуко М.* (2002). Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис.
- Штраус Л.* (2000). Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Праксис.
- Штраус Л.* (2012). [Преследование и искусство письма](#) / Пер. с англ. Е. Кухарь под ред. А. В. Павлова // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 12–25.

- Balibar E.* (1994). *Masses, classes, ideas: studies on politics and philosophy before and after Marx*. L.: Routledge.
- Dahl R. A.* (1961). The behavioral approach in political science: epitaph for a monument to a successful protest // *American Political Science Review*. Vol. 55. № 4. P. 763–772.
- Daston L., Galison P.* (1992). The image of objectivity // *Representations*. 1992. №40. P. 81–128.
- Harding S.* (1993). Rethinking standpoint epistemology: what is «strong objectivity»? // *Feminist epistemologies* / Ed. L. Alcoff. L.: Routledge. P. 49–82.
- Gunnell J. G.* (1986). *Between philosophy and politics: the alienation of political theory*. Amherst: University of Massachusetts Press.
- Holdren N., Touza S.* (2005). Introduction to *Colectivo Situaciones* // *Ephemera*. T. 5. № 4. P. 595–601.
- Jay M.* (1986). *Marxism and totality: the adventures of a concept from Lukács to Habermas*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Lecourt D.* (1977). *Proletarian science? The case of Lysenko*. L.: NLB.
- Lynd R. S.* (1939). *Knowledge for what? The place of social science in American culture*. Princeton: Princeton University Press.
- Mills C. W.* (2000). *The sociological imagination*. N. Y.: Oxford University Press.
- Norton A.* (2005). *Leo Strauss and the Politics of American Empire*. New Have: Yale University Press.
- Proctor R.* (1991). *Value-free science? Purity and power in modern knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
- Showalter E.* (1987). *The female malady: women, madness, and English culture, 1830–1980*. N. Y.: Penguin Books.
- Smith S. B.* (2007). *Reading Leo Strauss: politics, philosophy, Judaism*. Chicago: University of Chicago Press.
- Strauss L.* (1988). *Persecution and the art of writing*. Chicago: University of Chicago Press.